

ПРОЛОГ

Глубокая московская ночь коротка, как юбка дерзкой студентки-первокурсницы. Не все, конечно, ночи, а только летние. И не все летние, а только те из них, что приходят в июне и начале июля. В эти месяцы ночи падают на город, подобно выпрыгнувшему из засады убийце, наваливаются на Москву, пытаются навсегда закатать её в рыхлую жаркую тьму, но лишь чернят старые камни, ненадолго обращая мир в свою веру, и быстро убегают, угрюмо обещая собраться с силами к августу, чтобы потом, осенью и зимой, показать москвичам свою истинную мощь.

Глубокая летняя ночь не имеет собственного смысла, а служит сигналом: припозднившиеся гуляки понимают, что пора расходиться, и, зевая, бредут по домам; ворочаются, разглядывая последние сны дворники и те, чей рабочий день начинается в пять утра, а патрульные полицейские едва борются с дремотой, встречая самую тяжкую часть дежурства. Глубокая ночь уходит, едва облапив город тьмой, но Москва не просыпается, а лишь натягивает на голову одеяло, укрываясь от поднимающегося солнца. И замирает, проваливаясь в крепкий предутренний сон.

И именно глубокой московской ночью, когда летняя тьма набрала полную силу и её покрывало стало

непроницаемым, на опустевшей Пятницкой появился высокий, очень худой старик, облачённый в старомодный тёмный костюм. Он прогулялся от Москвы-реки вверх по улице, равнодушно разглядывая купающиеся во мраке дома, свернул в переулок и скрылся в старом двухэтажном особняке, прячущемся в маленьком дворе. Обычные жители Замоскворечья, заурядные, не знающие магии и Тайного Города челы, считали, что в небольшом домике с имперских времен располагается одно из никому не нужных государственных учреждений, странным образом не попавшее в поле зрения жадных до захвата ценной недвижимости чиновников, но они ошибались. Обычные жители Замоскворечья понятия не имели, что сухопарый старик был не человеком, а существом намного более древним, — навом по имени Баррага, самым знаменитым мастером големов Тайного Города, и жадные чиновники могли отнять у него разве что время, но никак не собственность.

Войдя в особняк, Баррага включил в гостиной свет — одно-единственное бра на дальней стене, и некоторое время переминался у дверей, словно раздумывая, а если называть вещи своими именами — явно не зная, что делать дальше, и пребывая в сомнениях и растерянности, что с навами случалось невероятно редко. Он посмотрел на наручные часы, хотя прекрасно знал, что они покажут, затем перевёл взгляд на каминные, покачал головой, потянулся к выключателю, намереваясь погасить бра и уйти, но сдержался. Он как будто согласился на встречу — нехотя или необдуманно, и теперь корил себя за проявленную слабость.

Баррага вёл себя так, словно его обуревали плохие предчувствия.

Но, несмотря на них, он принял решение остаться в особняке, прошёл к стоящему справа от бра креслу, уселся и замер, подперев подбородок рукой. Словно обратился в статую, которых в гостиной было достаточно.

Комната предназначалась для встреч с клиентами, и Баррага обставил её соответственно: два кресла, журнальный столик, диван, изящно отделанный камин, несколько книжных полок и довольно много пустого пространства в центре — словно танцпол. В действительности нав не танцевал и не любил, когда под музыку двигались вокруг, а использовал центр гостиной для демонстрации своего товара. И хотя на предстоящей встрече Баррага не собирался ничего показывать, образцы из гостиной не убрал, и в углах комнаты стояли искусные скульптуры, каждая из которых представляла собой одного из знаменитых големов старого мастера: длинный, закованный в броню Лунатик, сжимающий гerdаны; приземистый и очень мощный Тур, не такой быстрый, как Лунатик, зато умеющий защитить территорию не хуже крепостной стены; зубастая Гончая, способная без устали преследовать добычу и днём, и ночью; и Кусто — голем, созданный Баррагой для войны под водой и потому пребывающий в стеклянной колбе. А журнальный столик украшала мраморная статуэтка ястреба, исполненная с таким мастерством, что птица казалась живой.

Но такой же неподвижной, как задумавшийся нав.

Абсолютный штиль царил в гостиной до двух сорока пяти, когда в её тишине громом прогремел телефонный звонок. Баррага поморщился, достал из кармана пиджака смартфон и бросил на журнальный столик, предварительно выбрав громкую связь.

— Да?

— Доброй ночи, — вежливо произнёс мужчина на другом конце линии.

— Доброй, — чуть помолчав, отозвался нав.

— Вы обещали маяк.

Баррага тяжело вздохнул, отказываясь от последней возможности изменить принятое решение, буркнул:

— Входи.

И сделал пасс левой рукой.

На паркете засветился тёмно-синий круг со сложными, напоминающими иероглифы письменами внутри, а примерно через восемь секунд над кругом появился быстрый тёмный вихрь, из которого в комнату шагнул мужчина в сильно запylённой рабочей одежде: крепкие ботинки, штаны-карго, рубашка и жилет с многочисленными карманами. В руках мужчина держал прямоугольный предмет, завёрнутый в плотную коричневую бумагу. Как только он вошёл, чернильный вихрь магического портала растаял, а указавший ему путь маяк погас, не оставив на паркете никаких следов.

Оказавшись в гостиной, мужчина поклонился, но без подобострастия, демонстрируя уважение, а не унижение. Но остался стоять перед сидящим Баррагой, показывая, кто здесь старший.

— К чему предосторожности, Муса? — угрюмо спросил мастер.

— Кажется, за мной следят.

— Кажется или следят?

— Вам известны пределы моих магических способностей, мастер, — ответил мужчина, крепко сжимая в руках завёрнутый в бумагу пакет, похоже, доволь-

но тяжёлый. — Я не в силах противостоять опытному колдуну.

— Тогда почему ты решил, что за тобой следят? — поинтересовался нав, по-прежнему не покидая кресла. — Предчувствия?

— Да.

Баррага молча кивнул. Не стал говорить Мусе, что его самого обуревают нехорошие мысли, только связанные, увы, отнюдь не со слезкой. Старый мастер даже думал срочно позвонить Сантьяге, но отказался от этой мысли, поскольку не мог подкрепить свои слова ничем, кроме предчувствий, и не хотел выглядеть трусом. Не хотел показывать, что едва ощутимые подозрения — неясные и эфемерные, — способны его напугать.

— Здесь ты в безопасности, — сказал Баррага то ли гостю, то ли себе.

— Надеюсь, — мрачно отозвался Муса и машинально огляделся.

Машинально и нервно.

— Не доверяешь моему слову?

— Доверяю, — искренне ответил мужчина. — Но мы не знаем, кто за нами идёт.

А вот это замечание разозлило старого мастера настолько, что он не удержался от проявления эмоций.

— Я — нав, — гордо напомнил он, изгибая тонкие бледные губы в презрительной усмешке. — Я живу так долго, что помню обезьян, которых вы зачем-то стали именовать своими предками. Я помню все пожары Москвы и два из них устроил лично. Я видел, как приходят в упадок цивилизации, а на их месте поднимаются новые, сильные, злые и очень молодые... Не страны, чел, не государства, а целые цивилизации.

И если я говорю, что здесь безопасно, значит, здесь безопасно.

— Да, мастер, — на этот раз Муса поклонился почти униженно.

— Дай книгу.

Мужчина исполнил приказ, протянул наву пакет и вернулся в центр комнаты, чтобы их по-прежнему разделяло несколько шагов. Баррага взвесил свёрток в руке, помолчал и, не разворачивая, спросил:

— Почему ты решил, что за тобой следят?

— Я...

— Я знаю тебя достаточно, Муса: одних предчувствий мало, ты бы не обратил на них внимания.

— Верно, мастер, — признал мужчина.

— Что вызвало твои подозрения?

— Книга, которую я нашёл в тайнике Джувейни — копия.

— Ты уверен? — очень тихо спросил Баррага.

— Абсолютно.

— У тебя не было времени на её изучение.

— Книга не полна, — вздохнул Муса. — В ней только первая часть — дневник Саббаха, в котором он рассказывает о своей юности. Самое интересное отсутствует.

— Тогда зачем ты её принес?

— В ней всё равно содержится много информации, мастер, — ответил мужчина. — Причём той самой информации, которую вы искали. И есть кое-что интересное о родителях Старца Горы.

Нав, держа свёрток на вытянутой руке, несколько секунд разглядывал так, словно собирался вернуть Мусе, после чего продолжил:

— В том, что ты отыскал лишь копию книги Саббаха, нет ничего удивительного: известно, что Джувейни сжёг библиотеку. Помнится, мы с тобой надеялись, что Старец Горы подстраховался и создал несколько экземпляров книги, следовательно, наша надежда оправдалась.

— Всё так, мастер, однако багдадские друзья сообщили, что примерно год назад кто-то начал наводить справки о наследии Насира ад-Дина ат-Туси, — осторожно продолжил Муса. — Я полагаю, мы с этими неизвестными шли к одной цели, но разными дорогами: я не подумал об ат-Туси, они не подумали о Джувейни. — Мужчина выдержал паузу и мрачно закончил: — И ещё мне кажется, что книги были у обоих учёных.

— Но неизвестные на год опережают нас в изучении трудов Саббаха, — закончил мысль старик.

— Именно так, мастер, — подтвердил Муса.

— А если у них есть кольца...

— Они уже научились вызывать джиннов.

Несколько секунд нав и чел смотрели друг другу в глаза, после чего Баррага положил книгу на столик и сделал очень быстрый, но при этом — выверенный до сотой доли дюйма пасс рукой. Однако на сей раз магический круг не засветился.

Муса вопросительно поднял брови, и нав ответил:

— За тобой действительно следили.

— Они здесь? — вздрогнул мужчина.

— Лаборатория великолепно защищена, сюда невозможно сделать портал без моего разрешения, но теперь невозможно построить портал отсюда, — очень спокойно произнёс Баррага. — Нас накрыли мощным искажающим заклинанием, а ещё... — Он

бросил взгляд на смартфон. — А ещё нам отключили всякую связь.

Это была не ловушка, а атака, причём высочайшего уровня. К Барраге явился опасный враг, не желающий отдавать старому наву драгоценную книгу.

— Вы можете заблокировать лабораторию изнутри? — дрожащим голосом спросил Муса.

— Уже нет...

— Уже?

— К нам заявился кто-то очень хорошо подготовленный, — ответил старик, и его уши едва заметно заострились.

— Кто?

— Полагаю, сейчас узнаем.

И в следующий миг, словно дождавшись разрешающего сигнала, раздался тихий стук во входную дверь.

— Не заперто, — громко сказал Баррага, поднимаясь на ноги.

Муса встал справа от него, сглотнул и спросил:

— Зачем вы открыли?

— У меня не было выхода...

— Мир вам!

Гость застыл на пороге: невысокая, неясная фигура, плотно закутанная в чёрный плащ с низко надвинутым капюшоном. Руки прячутся в широкие рукава. Голова опущена. Но при этом голос — неожиданно звонкий, легко заполнивший всю комнату.

— Мир вам!

— Мир или смерть? — нервно уточнил Муса.

Баррага вздохнул и ослабил узел галстука. При этом его длинные тонкие пальцы ловко и незаметно создали

целый ряд заклинаний жеста, формируя магический фундамент предстоящей схватки.

— Мне действительно жаль, что так получилось, — с печалью произнёс пришелец.

— Ты ещё можешь уйти, — заметил нав.

— Я приму ваше предложение, но лишь в том случае, если вы отдадите мне книгу и чела, который её читал.

Муса побледнел, но в следующий миг слегка успокоился, услышав уверенный голос Барраги:

— Предложение отклонено.

Но пришелец попытался продолжить:

— В книге, которую принёс ваш друг, нет того, что вам нужно, но есть то, что я хочу сохранить в тайне. Мы можем договориться, мастер. Пожалуйста.

— Ты боишься тронуть нава, — усмехнулся Баррага.

— Да, мне не нужны лишние проблемы, — подтвердил незнакомец.

— Тогда уходи.

На мгновение, всего на одно мгновение Мусе показалось, что твёрдая позиция старика сделала своё дело и опасный гость вот-вот уйдёт... Но всего лишь показалось.

— Я ценю пытливые умы и огорчён тем, что ваша смерть станет следствием желания узнать нечто новое, — с сожалением произнёс пришелец.

— Я ещё не умер, — угрюмо ответил нав.

— Это ненадолго.

— Сделайте что-нибудь! — неожиданно прокричал Муса.

И Баррага сделал.

Ударил сразу и неимоверно сильно. Ударил на-
смерть. Вложил в удар всё, что у него было под рукой,
потому что понимал — иначе с таинственным гостем
не справиться.

Во-первых, незнакомца атаковали големы. Тур,
Лунатик и Гончая сорвались с места одновременно
и за долю секунды выстроились в продуманный боевой
порядок: вперёд вырвался Тур, которому предстояло
принять на себя первый выпад противника; сразу за
массивным здоровяком мчался Лунатик — он дол-
жен был нанести решающий удар, пройдя по костям
погибшего Тура; а справа, отвлекая внимание врага,
торопилась в бой зубастая Гончая. Во-вторых, сам нав
не собирался отсиживаться за спинами искусственных
существ. Во владении магией подданные Тёмного Дво-
ра достигли совершенства, и Баррага не сомневался,
что сумеет пробить защиту дерзкого врага, сначала
ослабив её хитроумным «Навским арканом», высасы-
вающим из колдунов магическую энергию, а затем со-
крушительной «Эльфийской стрелой», стремительной,
прожигающей всё на своём пути молнией. Атака была
подготовлена на славу, и в любой другой ситуации
завершилась бы успехом, но... Но за секунду до того,
как големы сорвались с места, а Баррага сформировал
«Навский аркан», фигура в чёрном плаще неожидан-
но расплылась, словно внутри неё взорвалась грана-
та, а возникшее на её месте чёрное пятно прорезали
красные молнии. Ослепительные красные вспышки,
тут же обратившиеся красными облаками, а затем —
красными воинами. Парящими в воздухе бойцами,
сотканными из языков огня и вооружёнными остры-
ми, как бритва, саблями.

— Джинны! — не удержался от изумлённого восклицания Муса. — Они всё-таки существуют!

— Плохо! — процедил Баррага. — Очень плохо...

Потому что массивный Тур не принял на себя удар, а проскочил сквозь первого противника, словно тот действительно был облаком или сгустком тумана. Потому что тяжеленные герданы Лунатика пролетели сквозь парящих воинов, не причинив им никакого вреда. Потому что Гончая завертелась, подпрыгнула, намереваясь вцепиться во врагов, но шлёпнулась на пол и заскулила. А затем ударили джинны. Первым ответным выпадом Лунатику играючи снесли голову, а Туру — руки. Гончая повторила прыжок, извернулась, уходя от сабель, поднырнула под «своего» джинна, проскочила под ним, намереваясь добраться до всё ещё стоящего на пороге убийцы, но была поймана за шкуру и резко подброшена вверх, после чего в неё вонзился острый клинок, с убийственной точностью пробивший мозг искусственного существа. А тяжеленный магический удар Барраги оказался невероятным образом парирован: незнакомец заблокировал «Навский аркан» и принял на колдовской щит молнию. Атаковать во второй раз нав не успел: подоспевший джинн резанул ему по горлу обсидиановым клинком. Нав захрипел, с ненавистью глядя на тёмную фигуру убийцы, начал медленно заваливаться назад, попытался остаться на ногах, но не удержался, повалился в кресло. Одной рукой старик зажимал рану, а другой нащупал статуэтку ястреба, сжал её, словно собираясь использовать в качестве оружия, но подоспевший джинн ударил Баррагу ещё раз, точнее, и голова старика покатила в угол.